

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

А. В. Богданов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ П.Я. ЧААДАЕВА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются политологические идеи П.Я. Чаадаева о политическом насилии, политическом лидерстве, патриотизме, а также проблемы политической регионалистики, демонстрируется их актуальность в рамках современного политического пространства, а также значения России как стратегического партнера Запада.

Ключевые слова: соотношение политики и других сфер общественной жизни, проблема Россия-Запад, политическое лидерство, патриотизм, социализм, политическое насилие.

В оригинальной историософской системе П.Я. Чаадаева можно выделить ряд основополагающих методологических идей, позволивших ему, в рамках энциклопедического подхода обосновать свою политологическую концепцию. Это, прежде всего, следующие идеи:

- Россия есть органическая, неотъемлемая часть Европы, и из этого основополагающего объективного факта надо исходить при всех теоретических и практических построениях в областях политики, права, экономики, культуры, религии, социального и государственного устройства и т.д.
- Пытаться изолировать Россию от Западной Европы, противопоставлять Россию Европе, как это имело место, к примеру, в ортодоксальном славянофильстве, и ныне имеет место в неославянофильских тенденциях некоторых политиков, прикрывающихся фетишами «самобытности», «особенности» России, было бы не только бесперспективно и бесполезно, но и крайне вредно, смертельно опасно и для России, и для Европы, и для всего мира, противоречит общечеловеческим ценностям и идеалам, историческим тенденциям мирового развития, а ныне, в эпоху глобализации, международного терроризма, геостратегических и геополитических амбиций некоторых «сверхгосударств» и межгосударственных объединений, еще и инстинкту самосохранения.

- Российское «присутствие» в общеевропейском «доме» выгодно и полезно для всех сторон. Россия накопила громадный исторический и культурный опыт, ей есть, чем поделиться с европейскими соседями, ее роль в обеспечении общей безопасности, ее помощь в разрешении накопившихся европейских и общечеловеческих проблем должны стать весьма существенными, если не решающими.

Строго говоря, вся западническая система П.Я. Чаадаева есть, по сути, *концентрация политических проблем*, политический потенциал «Философических писем» перевешивает все другие «элементы» их содержания.

Во-первых, П.Я. Чаадаев рассматривает все «судьбоносные» вопросы через призму отношений между большими группами людей, народами, нациями; во-вторых, он с разных сторон подходит к феномену власти, государственного устройства, к проблемам участия народа в делах государства, управления, к их формам, методам, типам; в-третьих, он пристально анализирует механизмы эволюции внутренней и внешней политики (революции, реформы, войны, межгосударственные союзы и объединения); в-четвертых, он рассматривает проблемы соотношения политики с другими сферами общественной жизни (с религией, философией, культурой, нравственностью, климатически-географическими условиями, с психологией); в-пятых, он анализирует

роль идеологов, политических деятелей, правителей в истории народов; в-шестых, он постоянно проводит сравнительно-политологический анализ соотношения развития России и Западной Европы, предлагая России свернуть на новые пути, проводя идею единения России и Европы; в-седьмых, П.Я. Чаадаев, намного опережая свое время, поднимается, фактически, до осознания новых, будущих «горизонтов» политических категорий и феноменов, подмечая тенденцию их эволюции к общепланетарным масштабам, к универсальности, интеграции, к единой вере, ко всему тому, что мы назвали бы сегодня «глобализмом», «глобализацией»; в-восьмых, политический резонанс, политические последствия публикации первого «Философического письма» были настолько беспрецедентны для огромной Российской империи («выстрел в ночи», разбудивший Россию, как, например, писал А.И. Герцен), что уже давно необходимо рассмотреть творчество П.Я. Чаадаева именно под «углом зрения» политики, политологии, как политический феномен.

Поэтому можно утверждать, что П.Я. Чаадаев был новатором не только в области философии и истории, но и в области политики, намечая и здесь новые пути.

Мы в данной статье ставим своей целью лишь выделение главных моментов, определение перспектив и направлений исследований, тезисное резюмирование темы Чаадаева как политика и политолога, как темы новой и злободневной. Наша цель – обратить внимание на те политические аспекты воззрений П.Я. Чаадаева, которые еще практически не служили предметом рассмотрения.

Возьмем *проблему политических способов и путей преобразования* социальной действительности: революцию и реформу. П.Я. Чаадаев всегда и явно отдавал предпочтение постепенному, поступательному ходу вещей, осторожным реформам, противопоставляя их радикальным и «грубым», социально-политическим коллизиям и потрясениям, основанным на силе и никогда в истории не приводящим, в конечном счете, к торжеству добра, всеобщему благополучию и социальной гармонии. Он был убежден, что осуществить на земле идеал общественно-политического устройства можно только путем народного воспитания, просвещения, нравственного совершенствования, укрепления веры. Человек сам, своими собственными силами и средствами, достигает «человеческого совершенства», – «это

всецело зависит от нас и не требует выхода из мира, который нас окружает» [1, с. 360–361]. Очень современная и своевременная мысль: революция, сила, радикализм, насилие – есть противоестественный, опасный для человечества «выход из мира, который нас окружает».

А вот и другой важнейший нюанс затронутой проблемы, который Чаадаев перемещает в «родственную» сферу права и, опять же, шокируя, ставя в тупик «несамостоятельные» умы: «Нет иного права, кроме *права давности*. Тут П.Я. Чаадаев специально даже «гиперболизирует» вопрос, заставляя вспомнить хрестоматийные библейские места Екклесиаста о том, что ничего «нет нового под луною». Тем более, на это «новое» не могут претендовать революционеры, политические диктаторы, радикалы всех мастей.

В трезвой *оценке политического насилия*, грубой политической реакции П.Я. Чаадаев даже «перекликается» с таким своим известным современником, как К. Маркс. Например, в оценке революционных событий во Франции в середине XIX в., которым Чаадаев посвятил маленькую статью «1851», а К. Маркс – солидное исследование «18 брюмера Луи Бонапарта». Методология философии у П.Я. Чаадаева и К. Маркса, конечно, принципиально разная, но выводы иногда оказываются совершенно схожими. Например, в отношении убийственной характеристики фигуры опасного авантюриста Луи Бонапарта: «мы можем воспринимать лишь с чувством глубокой скорби это грубое торжество силы над правом. Полу-шут, полу-злодей, ставший героем этой драмы, в наших глазах останется всегда просто напросто ловким и удачливым авантюристом, и ничем более... Личная диктатура, будь она хорошая или дурная, вызванная необходимостью или лишенная настоящей основы, всегда будет только печальной временной мерой, и желать продлить ее действие значило бы идти вразрез с элементарными понятиями нравственности» [1, с. 553].

Так что, негативные оценки одних и тех же политико-правовых явлений у П.Я. Чаадаева и К. Маркса имеют, все же, разные философско-методологические основы: К. Маркс, в частности, выдвигает неоспоримый приоритет политики и права над какой-то там нравственностью, П.Я. Чаадаев же именно эту нравственность, духовность ставит «во главу угла» и уж, конечно, выше политики и права.

Делая сравнительный анализ в области «сравнительной политологии» о *социально-политических реалиях России и Западной Европы* в их историческом развитии, П.Я. Чаадаев делает выводы не в пользу России: он констатирует заметное отставание своей родины от Европы в плане права, свобод, политического просвещения, государственно-политического устройства и видит причину этого отставания в господствующим в стране крепостном рабстве. Европа оказывается гораздо ближе к общечеловеческим идеалам, русский же царизм, крепостной строй и панславизм есть тормоз на пути отечественного прогресса. Ситуация в России, по мнению П.Я. Чаадаева, все более требует коренных преобразований, реформ, перехода страны на новые пути развития. Все особенности, элементы самобытности России растлеваются, извращаются крепостничеством, приводят лишь к усилению угнетения народа и представляют с некоторых пор угрозу не только будущему русского народа, но и – всей просвещенной Европе, ибо царизм немало делает для того, чтобы насадить отечественную «практику» и за рубежами Российской империи. Даже европеизация политической системы и реформы, произведенные Петром Великим, в конечном счете, деградировали, приобрели извращенный вид, вследствие господства все того же крепостного права, которое, подчеркивал П.Я. Чаадаев, есть «источник всеобщего развращения русского народа, ...все в России... носит на себе печать рабства – нравы, стремления, образование и вплоть до самой свободы – поскольку о ней может идти речь в этой стране» [1, с. 568].

Вообще, русское правительство, считает П.Я. Чаадаев, «слишком невежественно и легкомысленно». Но еще больше, чем официальная власть, возмущают философа представители элиты, как реально правящей силы, интеллигенция, дворянство. П.Я. Чаадаев имел мужество не остановиться перед жесткой критикой, разоблачением своих собратьев по классу: «Средства, пускаемые в ход обездоленными классами для завоевания земных благ, без сомнения отвратительны, но думаете ли вы, что те, которые феодальные сеньоры использовали для своего обогащения, были лучше?.. Бедняк, стремящийся к малой доле достатка, которого вам девать некуда, бывает иногда жесток, но никогда не будет так жесток, как жестоки были ваши отцы, те именно, кто сделал из вас то, что вы есть, кто наделил вас тем, чем вы владеете» [1, с. 508]. Вот эти-то «умники» и стали

апологетами реакции, и «все их вождения сводятся к предоставлению власти еще большего значения, к внушению еще большего поклонения перед ней со стороны народа» [1, с. 558].

История советского периода, последних десятилетий подтверждает правоту П.Я. Чаадаева, его стратегических политических выводов. И не здесь ли нужно искать корни и истоки исторически сложившегося «недоверия» к России, вековой боязни «русской угрозы», «руссофобии»? Надо не «обижаться» попусту на чувства и эмоции Запада к нам – он имеет на то веские основания – а попытаться трезво и спокойно «разобраться» у себя дома, в самих себе, сделать соответственные, прежде всего, практически-политические, выводы.

Верный своим же *идеям многофакторности общественного развития* и плюрализма истины, Чаадаев рассматривал несколько вариантов возможного развития событий, путей выхода из создавшегося положения. Первый, самый общий, – «было бы полезно не только в интересах других народов, а и в ее собственных интересах – заставить ее перейти на новые пути» [1, с. 569].

Насчет «новых путей», вроде бы, более или менее ясно, – это касается главных положений западной концепции Чаадаева, о которых он напоминает постоянно: органическое вхождение в Европу, восстановление единой традиции, духовно-нравственное воспитание и перевоспитание народа. И все это связано, в данном случае, с одним единственным, но очень важным, словом – «заставить». Кто или что должны «заставить»? Сама ли Россия себя, все ее «внутренние» обстоятельства? Или причины и факторы «внешние», приводящие?

Но мыслитель дает и некоторые «конкретные» пояснения, указывает на ряд непреложных *мер политического характера*. Например, на абсолютную необходимость уничтожения крепостничества, проведения ряда общедемократических мер в области образования, культуры, политического устройства и управления, упразднения панславистской империалистической направленности внешней политики России, навязывания другим странам своих общественно-политических стандартов и устоев.

Так, размышляя над проблемой, кто же конкретно должен стать *политическим «поводырем» общества*, П.Я. Чаадаев отходит от ставки на политических вождей и интеллектуальную элиту, с ее аристократическими, славянофильскими, пансла-

вистскими «вывихами», и возлагает надежды на «самодетельность» народных масс: «Позволительно, думаю я, надеяться, что если провидение призывает народ к великим судьбам, оно в то же время пошлет ему и средства свершить их: из лоно его восстанут тогда великие умы, которые укажут ему путь; весь народ озарится тогда ярким светом знаний и выйдет из под власти бездарных вождей...» [1, с. 478].

Западничество, демократизм, «общечеловечность» оказываются в политических воззрениях П.Я. Чаадаева спаянными воедино. Более того, убежденный противник революций, насилия, диктатора, Чаадаев оставляет возможность и для насильственного свержения ненавистного политического строя народом, Совершенно уникален, в этом плане, найденный в его бумагах «Проект прокламации к крестьянам», в котором он допускает «насильственное разрушение общественного состава», призывая народ, фактически, к изгнанию царей по примеру некоторых европейских стран!

Но Чаадаев не был бы Чаадаевым, если бы и тут не оставил нам одну из своих тайн, загадок, выраженной, например, в его «темном» парадоксе-афоризме: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники» [1, с. 506]. Вот так!

В трагических поисках жестокой правды П.Я. Чаадаев не щадит ни себя, ненавидящего все эти «революции», «социализмы», ни нас, его потомков, вынужденными и сегодня, после краха СССР и мировой системы социализма, продолжать ломать голову все над тем же: так что же это такое, «социализм»? Почему он, фактически, оказался построенным не у нас, в России, а, скажем, в Швеции? В чем социалистичность первоначального христианства? В чем же заключаются ложь и правда социализма, феномен которого оказывается столь многомерным, неисчерпаемым?

Ведь сам же П.Я. Чаадаев, назвав *социализм* «идеей века» и апеллируя к народу, в одной из своих статей, делает прямые «выпады» и против социализма, и против демократии, оценивая социализм как нечто такое, что «всякая честная власть» должна «убить», чему она обязательно должна искать альтернативу, разводя понятия «демократии» и «порядка», которому он отдавал явное предпочтение.

В этом плане очень интересна и важна постановка Чаадаевым *проблемы любви к Родине*, к своему народу, проблемы патриотизма не только как нрав-

ственной, духовной, но и *как политической проблемы*. П.Я. Чаадаев подчеркивает, что он воспитан в любви к русскому народу Петром Великим, что он не привык любить Родину с «закрытыми» глазами и с «запертыми» устами; желание народу процветания и блага, заставляет его искать истину, реальные пути для народного спасения, заставляет говорить народу правду о нем, как бы горька она ни была, не услаждать его слух пустыми декларациями о любви.

Патриотизм оказывается тесно связанным с конструктивно-критическим отношением к своей стране, с мужественной позицией трезвого социально-политического и исторического аналитика. Патриотизм есть «палка о двух концах»; он может быть и действенным орудием в борьбе за народное счастье, и может вылиться в ярый национализм, в ненависть к другим народам, привести свою страну к падению в бездну. Вот почему П.Я. Чаадаев так проникновенно писал: «Позволительно, думаю я, пред лицом наших бедствий не разделять стремлений разнузданного патриотизма, который привел страну на край бездны, который думает выпутаться, упорствуя в своих иллюзиях, не желая признавать отчаянного положения, им же созданного» [1, с. 478].

Поразительно современны и мысли П.Я. Чаадаева о значении и положении в стране *политических лидеров и идеологов*. Он полагал, что передовая политическая идеология, ведущая к благу народа, может и должна быть выработана первоначально лишь отдельными элитами, великими духовными представителями народа, являющимися плотью от плоти частью народа, как бы органами его самосознания. Такие великие личности созревают в недрах любого народа и выходят на политическую «авансцену», когда есть в них насущная потребность, исторический «спрос». Такие лидеры должны быть лишены атрибутов абсолютизации национального приоритета и национальной ограниченности, должны чутко улавливать сложное, противоречивое взаимоотношение национального и общечеловеческого. А как «к месту и ко времени» звучат сегодня слова Чаадаева, обращенные к действующим и потенциальным политическим лидерам: «Вы претендуете на звание представителей *идеи*; постарайтесь иметь *идеи*, это будет лучше» [1, с. 510].

Также актуальны и злободневны ныне мысли философа о необходимости «привить» русскому народу идеи «долга, справедливости, права, порядка»,

элементарные навыки политической культуры, без чего невозможны демократия, свобода, процветание, правовое общество, хотя бы на уровне Запада. О своевременности и современности подобных мыслей П.Я. Чаадаева свидетельствует, в частности, характерное замечание Президента РФ Д.А. Медведева в феврале 2008 г. о том, что мы еще и сегодня живем в государстве «правового нигилизма».

П.Я. Чаадаев задумывался о самых глубинных, политических, сторонах проблемы соотношения России и Европы, о специфике социально-политического познания, особенностях и «корнях» национального политического самосознания, оценки друг друга и самооценки в разных частях единого, и такого разнообразного, континента.

Политическое знание и *политическое самосознание* в России и Европе находятся на самом низком уровне, что повышает степень взаимного недоверия, взаимоотношениях. П.Я. Чаадаев отмечает на Западе «невежество по отношению ко всему», что касается России; «нет на свете народа, который был бы» в Европе «известен менее, нежели русский». Как, по каким «источникам» совершается социально-политическое познание, как можно стимулировать его, сделать более эффективным? Вот как он рассуждает с точки зрения западного политолога: «А между тем, где же эти памятники русского народа, где писатели его, кто вскроет перед нами отличительную черту народа, раскинувшегося между Востоком и Западом и, как утверждают, угрожающего своими честолюбивыми поползновениями и тому и другому? Неужели русские воображают, будто достаточно огромного протяжения страны, чтобы она стала интересной отраслью человеческого знания, чтобы в нас родилось желание узнать язык, законы и быт племен, ее населяющих? Это чистейшее самообольщение народной гордости, и наука отметит его лишь как пример заблуждения народов» [1, с. 564].

То есть, Россия сама должна приложить немало усилий, чтобы стать интересной для Запада, страной, без которой тот не может обойтись ни в политике, ни в культуре. Создать на Западе верный и «выгодный» для нас «имидж», как сказали бы сегодня, заставить проявить к России активный и осознанный интерес, считаться с ней, - чем не важнейший национальный проект на сегодня, подсказываемый нам Чаадаевым.

Самая главная предпосылка и основание для социального познания заключаются для Чаадаева

в политических феноменах: «Что же такое для нас Россия? Это не что иное, как факт, один голый факт, стремящийся развернуться на карте земного шара в размерах, с каждым днем все более исполинских, и необходимо, следовательно, ограничить этот чрезмерный рост и пресечь натиск на старый цивилизованный мир, который есть наследник, блюститель и хранитель всех предшествующих цивилизаций, в том числе и той, в которой Россия некогда почерпнула первые познания, свой пышный и бесплодный обряд, в котором она продолжает замыкаться¹» [1, с. 564].

В этих словах заключено политическое «ядро» западнической концепции П.Я. Чаадаева: существует объективная необходимость сосуществования, единения России и Европы; основания же этой необходимости – в очень непростом, сложном «географическом факторе» (пограничное, «срединное», положение России между Западом и Востоком; территориальная огромность России, которая непосредственно сказывается на всех сторонах ее политической, социальной жизни, которая сама по себе уже «беспокоит» ее соседей, превращается в важный геостратегический, геополитический фактор, всю значимость которого мы начинаем по-настоящему постигать лишь сегодня, в эру глобализма, - а Чаадаев просвещает нас на этот счет из века девятнадцатого!), как фактора «силы», который, по сути, определяет особенности внутренней и международной политики и России, и Европы.

И П.Я. Чаадаев преподносит нам из XIX века прекрасный урок *«политической регионалистики»*, столь модной и актуальной сегодня: «Что же тут подлежит изучению? Это лишь страничка географии, которую необходимо знать, как нам расценивать данную силу, может быть, более воображаемую, чем действительную. Притом, разве не общеизвестно, что Россия обязана значительной частью своего могущества Европейской цивилизации, а использовала она ее так усердно именно потому, что не обладала иной» [1, с. 564–565].

«Политическая география», без которой, кстати, сегодня невозможен глубокий анализ объективных процессов глобализации, лежит в основе «союза» России и Европы, конкретизирует, уточняет и углубляет западническую концепцию Чаадаева. Но самое важное здесь, пожалуй, в том, что мысль П.Я.

¹ Чаадаев имеет здесь в виду Византию (примеч. автора).

Чаадаева принципиально направлена в будущее, он как бы правдивски угадывает проблемы нашего сегодняшнего дня, связанные с новыми «вызовами времени», с новыми угрозами для России, Европы и мира в век глобализации и международного терроризма, в век национально-территориальных, религиозно-этнических притязаний и амбиций.

Разве сегодня, когда перспектива всеобщего объединения человечества на универсальных основах духовности и справедливости реально отодвинулась еще дальше, когда мир стал еще более сложным и «жестким», что постоянно отмечается и нашими нынешними политическими лидерами, мысли П.Я. Чаадаева о стратегическом союзе с Европой, о естественном «вхождении» России в Европу стали менее судьбоносными и актуальными, чем в XIX веке? Скорее наоборот, только сегодня и видишь ясно их правоту, значимость, «спасительность».

Самый важный и принципиальный вопрос для П.Я. Чаадаева в философском, политологическом, историческом аспектах – это вопрос о степени сопричастности России общемировым историческим законам, о степени единения России и Европы, «европеизации» России. И П.Я. Чаадаев углубляется в анализ этого вопроса, считая его, в политическом плане, ключевым: «Вот если бы она (Россия - А.Б.) дошла до своего настоящего состояния усилиями внутреннего своего развития, если бы она почерпнула свою политическую значительность из своей собственной сущности; да, тогда было бы совсем другое дело; всякий в отдельности и весь цивилизованный мир в целом, без сомнения, пожелал бы познать ее плодоносную и могучую природу, ее составные элементы, тот отпечаток, который она наложила на свои многочисленные племена, те последовательные изменения, которые она заставила их пройти» [1, с. 565].

Принципиальные в методологическом плане моменты связаны с проблемой роли и значения в отечественной *политической истории фигуры Петра Великого*, с оценкой его реформ. Националисты, славянофилы – а вместе с ними, по сути, и представители советской историографии – считали, что царь Петр, как великий государственный деятель, политический реформатор сумел своими действиями круто изменить ход отечественной истории, по сути дела, дать им другое, не свойственное внутренней логике, чуждое духу и психологии русского народа, направление. П.Я. Чаадаев же справедливо полагал,

что, хотя Петр и был великим человеком и политиком, но даже ему было бы не под силу одному изменить ход истории, повернуть в «другую сторону» народные волю и обычаи. Для того, чтобы реформы обрели «плоть и кровь», реализовались в исторической действительности, необратимо закрепились в будущем, они должны иметь корни в глубинах народного духа и национально-исторической традиции, отвечать и соответствовать объективным и субъективным факторам и интересам развития страны. «Я, конечно, хорошо знаю, - писал Чаадаев, - что есть немало русских... которые утверждают, будто Россия претерпела реформу Петра Великого вопреки своей воле; но эти неловкие патриоты, приписывая энергии одного человека,...такой переворот, который... преобразил их страну с головы до пят, ведь они этим вовсе не оправдывают своего народа, а, напротив, жестоко его оскорбляют. Какого, в самом деле, надо быть мнения о народе, который бы сперва лишился по капризной фантазии одного из своих государей всех плодов своей истории, затем, когда само провидение, казалось, позаботилось облегчить ему возврат к священным преданиям предков, даровав ему последовательно четыре царствования женщин – и каких женщин!...- продолжал бы бесстрастно перемалываться жерновами, между которыми он очутился якобы помимо собственной воли! А ведь именно таково суждение о своем народе этих истинно русских новой школы, столь ревнующих о славе России» [1, с. 565–566].

Именно П.Я. Чаадаев явился основателем объективной научной исторической школы, в том числе, и школы истории политики и политических учений, когда, к примеру, возвращаясь к анализу и оценке реформ Петра, «демонизируемого» почти поголовно всей отечественной историографией, подчеркивал: «По счастью для чести человеческого рода дело происходило вовсе не так. Петр Великий приложил свою руку к такому перевороту, начало которого мы вскрываем на первых страницах русской истории. Он преобразовал то, что существовало лишь по имени, уничтожил он только то, что все равно неспособно было удержаться, создал он только то, что само собой шло к своему созданию, совершил он только то, что до него уже пытались совершить его предшественники. Таков, по нашему мнению, единственный разумный способ понять его знаменитую реформу и тот прием, который она встретила в народе» [1, с. 566].

Да, великий политический реформатор может поработать в истории очень много и эффективно, может добиться очень многого, но он не может, не в силах сделать, пожалуй, лишь одного – «остановить» историю, повернуть ее вспять, презрев единство истории и ее общие законы, так считал П.Я. Чаадаев.

Философско-методологической основой всей социально-политической западной системы Чаадаева является впервые предпринятая им попытка систематизировать, проанализировать специфику *социального*, прежде всего, политического, *познания*, представить не только политическую философию, но и, так сказать, *политическую гносеологию*, что уже, само по себе, есть научный прорыв, научный подвиг, предвосхитившие уже наше время. Именно сегодня становится неоспоримой громадная роль социального познания, познания политических феноменов, законов и тенденций их развития. Политический потенциал социальной гносеологии ныне чрезвычайно велик, ибо речь в ней идет об адекватном познании и формулировании национальных интересов, принципов национальной безопасности, лежащих в основе выработки внутренней и международной политики. И здесь мы можем опереться на солидную отечественную традицию, основателем которой были П.Я. Чаадаев и его поразительные прозрения: «Но настало время, когда незнакомство с Россией становится угрозой для нашей безопасности. Нам надо, в конце концов, понять коренную причину, побуждающую эту огромную империю выходить за пределы своих границ и заставляющую ее болезненно напирать на остальной мир» [1, с. 566].

Постижению сложнейшего феномена политики посвящена богатая система гносеологических методов и средств, разрабатываемая П.Я. Чаадаевым, не утратившая и ныне своего методологического значения. Среди них не последнее место занимает учет *связи политики с другими феноменами, природными и общественными*, к каковым Чаадаев относит, в первую очередь: природно-климатический, географический, фактор, религию, нравственность, основы социально-экономического устройства: «С первого взгляда обнаруживается в истории России два элемента: элемент географический...и элемент религиозный. К ним надо присоединить еще третий – закрепощение сельского населения. Но теперь же отметим, что до преобразования Петра Великого русские не знали другого наставника, кроме церкви, и, следовательно, одной ей до самой петровской

реформы великий народ и обязан всем своим нравственным развитием, каково бы оно по существу ни было» [1, с. 567]. Здесь П.Я. Чаадаев выделяет два момента: приоритет религии (точнее – православной веры) в духовно-нравственном воспитании русского народа, а также географический фактор, сформировавшие в стране крепостное рабство. Оно становится фактором политики, оно развращает и деформирует не только русский народ, но и порождает международные амбиции, к чему не могут оставаться равнодушными уже народы Западной Европы.

Демократия, свобода, право и порядок – для П.Я. Чаадаева не отвлеченные понятия. «Всякий знает, - пишет он, - что в России существует крепостное право, но далеко не всем знакома его настоящая социальная природа, его значение и общественный вес в общественном укладе страны. Было бы большим заблуждением при этом представлять себе, будто его воздействие ограничивается тем несчастным слоем населения, который подпадает под его тягостное давление; на самом деле, чтобы отдать себе отчет в его наиболее пагубных последствиях, следует по преимуществу изучать влияние крепостного права на те классы, которым оно на первый взгляд выгодно... Если вам нужны доказательства, взгляните только на свободного человека в России – и вы не усмотрите никакой заметной разницы между ним и рабом....Россия... олицетворение произвола» [1, с. 567–569].

У Чаадаева получается исторический парадокс: великая культура, великий народ и – рабство, деградация, развращение всего народа, и «рабов» и «рабовладельцев». Что опаснее и что важнее для России и для Запада: великая культура или рабство? Проблема уникальна и совсем не проста. П.Я. Чаадаев и не думает ласково успокаивать потомков выдачей каких-то рецептов для легкого излечения. И появляется очередная загадка великого «парадоксалиста»: Чаадаев считает, что именно эти рабство и покорность сохранили русский народ, сделали его великим. Он пишет: «Обработанные, отлитые, созданные нашими властителями и нашим климатом, только в силу покорности стали мы великим народом» [1, с. 537].

Но в одном П.Я. Чаадаев уверен абсолютно: *наше спасение и спасение Европы в единении*. Нет для будущей России, пожалуй, большей опасности, чем опасность изоляции, рабской «самобытности», идеалов и химер «особой России», которые несли и

несут неославянофилы и «националисты-патриоты» всех мастей, которые «хотели водворить на русской почве совершенно новый моральный строй, который отбрасывал бы нас на какой-то фантастический христианский Восток... нимало не догадываясь, что, обособляясь от европейских народов морально, мы тем самым обособляемся от них и политически, что раз будет порвана наша братская связь с великой семьей европейской, ни один из этих народов не протянет нам руки в час опасности» [1, с. 571].

П.Я. Чаадаев постоянно подчеркивает, страстно хочет довести до будущих поколений ключевую мысль: Россия – великая страна, народ ее – талантлив и обладает богатыми духовными потенциями, но эти положительные обстоятельства «отягощены» рядом негативных моментов, определяющих ее политику и сложное общественное сознание: «застойное» православие и «неловкая» церковь, пришедшие к нам из отсталой Византии. Так, в неподцензурных записках «для себя» «зрелый» Чаадаев писал: «Всякий народ несет в самом себе то особое начало, которое накладывает свой отпечаток на его социальную жизнь, которое направляет его путь на протяжении веков и определяет его место среди человечества это образующее начало у нас – элемент географический, вот чего не хотят понять... Вся наша история – продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел. В такой среде нет места для сочувствия людей друг другу, связывающего их в тесно сплоченные союзы, пред которыми неизбежно должны

склониться все материальные силы... Вот почему, насколько велико в мире наше материальное значение, настолько ничтожно все наше значение силы нравственной. Мы важнейший фактор в политике и последний из факторов жизни духовной. Однако эта физиология страны, несомненно, имеющая недостатки в настоящем, может представить большие преимущества в будущем, и, закрывая глаза на первые, рискуешь лишиться себя последних» [1, с. 480–481].

Конечно, П.Я. Чаадаев, полемизируя со своими оппонентами из лагеря националистов, «патриотов», славянофилов, несколько заостряет, гиперболизирует сложные моменты, но в главном он, безусловно, прав и сегодня. Он предвидел усложнение общественно-политических и международных отношений в будущем, предчувствовал будущие «вызовы времени» и общие контуры эпохи глобализации, тенденции эволюции фактора материальной силы, возрастание веса, роли, ответственности России в будущем мире. А потому и спешил оставить нам духовное завещание, в котором намечал пути спасения России, проводя важнейшую мысль о приоритете нравственного начала над материальным, духовного над политическим, веря в будущее русского народа, напоминая о масштабах его исторической задачи, закладывая основы будущей политики и политологии.

На наш взгляд, Россия сегодня остро нуждается в изучении политологических идей великого нашего патриота-западника П.Я. Чаадаева.

Библиография

1. Галактионов А. А. Никандров Л. Ф. Русская философия IX – XIX вв. Л. 1989.
2. Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2.
3. Лазарев В. В. Чаадаев М., 1986.
4. Лебедев А. А. Чаадаев. М., 1965. 272 с.
5. Лосский Н. О. История русской философии. М., 2007. 551с.
6. Миронов Ф. Философия. М., 2008.
7. Сапов В. В. Обидчик России // Вопросы литературы. 1994. Вып. I, II.
8. Сухов А. Д. Русская философия. Особенности, традиции, исторические судьбы. М., 1995.
9. Тарасов Б. Чаадаев в Москве. М., 2008.
10. Чаадаев. П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. М., 1991. Т. 1.
11. Щетинов Ю. А. История России – XIX век. М., 1999.
12. Falk H. Das Weltbild Peter J. Tshaadajews nach seinen acht «Philosophischen Briefen». München, 1954.

References (transliteration)

1. Galaktionov A. A Nikandrov L. F. Russkaya filosofiya IX – XIX vv. L.1989.
2. Zen'kovskiy V. V. Istoriya russkoy filosofii. L., 1991. T. 1. Ch. 2.
3. Lazarev V. V. Chaadaev M., 1986.
4. Lebedev A. A. Chaadaev. M., 1965. 272 s.
5. Losskiy N. O. Istoriya russkoy filosofii. M., 2007. 551s.
6. Mironov F. Filosofiya. M., 2008.
7. Sapov V. V. Obidchik Rossii // Voprosy literatury. 1994. Vyp. I, II.
8. Sukhov A. D. Russkaya filosofiya. Osobennosti, traditsii, istoricheskie sud'by. M., 1995.
9. Tarasov B. Chaadaev v Moskve. M., 2008.
10. Chaadaev. P. Ya. Poln. sobr. soch. i izbrannye pis'ma. M.,1991. T. 1.
11. Shchetinov Yu. A. Istoriya Rossii – XIX vek. M., 1999.
12. Falk H. Das Weltbild Peter J. Tshaadajews nach seinen acht «Philosophischen Briefen». München, 1954.